

Топонимическое пространство мокша-мордовского села Благодаровка Борского района Самарской области

DOI 10.31483/r-75066

УДК 94(10)(=12/09)

Беленов Н.В.

ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет», Самара, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0002-4415-5966>, e-mail: belenov82@gmail.com

Резюме: Статья посвящена всестороннему исследованию топонимического пространства мокша-мордовского села Благодаровка Борского района Самарской области. Цель статьи: введение в научный оборот и этимологический анализ топонимической номенклатуры села Благодаровка и его окрестностей. Методы статьи основаны на принципах топонимических исследований, сформулированных в трудах ведущих отечественных ономастов. Статья основана на полевых материалах автора. В результате проведённых исследований были определены основные характеристики и диалектная принадлежность благодаровского говора мокша-мордовского языка, зафиксирована бытующая в нём географическая терминология, собрана и проанализирована топонимическая номенклатура. Делается вывод о том, что благодаровский говор мокша-мордовского языка, несмотря на сравнительно краткий период бытования в русском окружении с отрывом от иных мордовских языковых ареалов, является одним из наиболее русифицированных мордовских говоров Самарского Поволжья; ряд географических названий топонимического пространства Благодаровки находят идентичные либо близкие параллели в большинстве других мокша-мордовских и эрзя-мордовских топонимических пространств региона; природно-географические условия расселения носителей благодаровского говора мокша-мордовского языка оказали, как и в случае иных мордовских говоров Самарского Поволжья, значительное влияние на состав и семантику бытующей в нём географической терминологии.

Ключевые слова: мордва, топонимика, мокша-мордовский язык, географическая терминология, благодаровский говор.

Для цитирования: Беленов Н.В. Топонимическое пространство мокша-мордовского села Благодаровка Борского района Самарской области // Этническая культура. – 2020. – № 1 (2). – С. 14-20. DOI:10.31483/r-75066.

Toponymic Area of the Moksha-Mordovian Blagodarovka Village of Borsky District of the Samara Region

Nikolay V. Belenov

FSBEI of HE "Samara State University of Social Sciences and Education", Samara, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0002-4415-5966>, e-mail: belenov82@gmail.com

Abstract: The article is devoted to a comprehensive study of the toponymic area of the Moksha-Mordovian Blagodarovka village of the Borsky district of the Samara region. The aim of the study is an introduction into scientific discourse and the etymological analysis of toponymic vocabulary of the Blagodarovka village and its outskirts. The methods of the article are based on the principles of topo-nymic researches formulated in the works of leading Russian onomasticians. The article is based on the author's experience. As a result of the researches, the main characteristics and dialect belonging of the Blagodarovsky dialect of the Moksha-Mordovian language were determined, the geographical terminology existing in it was fixed, and the toponymic vocabulary was collected and analyzed. It is concluded that Blagodarovsky dialect of the Moksha-Mordovian language, despite a relatively short period of existence in the Russian environment with separation from other Mordovian language areas, is one of the most Russified Mordovian dialects of the Samara Volga region. A number of geographical names of the toponymic area of Blagodarovka find identical or close parallels in most other Moksha-Mordovian and Erzya-Mordovian toponymic areas of the region. The natural and geographical settlement conditions of native Blagodarovsky dialect speakers of the Moksha-Mordovian language as in the case of other Mordovian dialects of the Samara Volga region had a significant impact on the composition and semantics of the geographical terminology that exists in it.

Keywords: toponymy, the Mordovians, Moksha-Mordovian language, geographical terminology, Blagodarovsky dialect.

For citation: Belenov N.V. (2020). Toponymic Area of the Moksha-Mordovian Blagodarovka Village of Borsky District of the Samara Region. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 1(2), 14-20. (In Russ.) DOI:10.31483/r-75066.

Введение

Село Благодаровка в настоящее время является единственным мокша-мордовским населённым пунктом в Борском районе Самарской области. Исторически на территории района существовало несколько мокша-мордовских поселений, также мокшане, вероятно, присутствовали в одной из миграционных волн мордовского населения в эрзянское село Коноваловка Борского района, о чём свидетельствовали ещё недавно употреблявшиеся в Коноваловском говоре эрзя-мордовского языка мокшанские лексические

элементы (ПМА, Самарская область, Борский район, Коноваловка, 2019). Кроме того, существовавшая до 80-ых годов XX века деревня Землянки также являлась мокшанской. В чувашском селе Неприк информаторы рассказывали нам: «А мне бабушка ещё рассказывала, что там, за речкой, мокшаны жили. Пришли откуда-то, землянки себе выкопали и там так и жили они, мокшаны... Мордвы-то тут нет у нас, мордва – там, в Коноваловке. А здесь у нас мокшаны жили» (ПМА, Самарская область, Борский район, Неприк, 2018). Здесь, кроме прочего, показательно, что мокшанские жители

Землянок передали окрестным чувашам собственное восприятие эзотеронима «мордва». Вообще надо заметить, что чуваши Похвистневского района Самарской области часто называют «мокшэ» носителей всех мордовских языков. Так, в чувашском посёлке Ахрат информаторы-чуваши сообщали нам, что они всю мордву называют «мокшей» – в том числе и соседствующую с ними, в окрестностях горы Шихан (ПМА, Самарская область, Похвистневский район, Ахрат, 2019). При этом у Шихана компактно проживает исключительно мордва-эрзя.

В ряде источников имеются предположения о более широком расселении мордовы-мокши в Борском районе Самарской области в былое время. В частности, авторы «Самарской топонимики» предполагают, что гидроним Мойка в Борском районе может восходить к названию бобра – *мой*, в «некоторых финно-угорских языках» [1]. Не вдаваясь в анализ различных вариантов названий бобра в мордовских языках (носители других финно-угорских языков на данной территории исторически не фиксируются), отметим, что теоретически существует вероятность названия промыслового животного с подобной основой – сравнивте в мокша-мордовском языке зооним *муйма* применительно к кунице, восходящий, вероятно к лексеме *мума/муйма* – ‘добыча’, поскольку, наряду с указанным зоонимом, в мокша-мордовских говорах куница часто именуется *шишоне* (ПМА, Самарская область, Волжский район, Торновое, 2018). Однако архивные материалы, сохранившие более раннее название реки Мойки, опровергают подобного рода версии. Дело в том, что в описаниях Борского района первой половины XVIII века данная река упоминается под названием Гузномойка, которое, вероятно, подчёркивало небольшую глубину реки. Умёт, основанный при речке, получил более глагозвучное название Мойка – и, вероятно, впоследствии данное название стало применяться и к реке.

Согласно официальной информации, село Благодаровка было основано в 1804 году, хотя местные жители полагают, что оно старше (ПМА, Самарская область, Борский район, Благодаровка, 2017). Сохранилось имя основателя села – первый дом на новом месте был поставлен Николаем Веденеевичем Саломатниковым. Изначально будущее село (церковь здесь построена была в 1857 году) представляло собой умёт, как и многие сёла ряда районов Самарского Поволжья южнее реки Самары. На этом месте был пункт остановки крестьянских обозов, направлявшихся из Борской крепости через село Землянки на юг. При таких придорожных умётах были обустроены пункты обогрева, ночлега, питания для проезжих людей. В силу последнего умёт первоначально назывался Кормёжка, о чём хорошо помнят местные жители. Первое поселение, а также кладбище, по воспоминаниям старожилов, располагались у озера Шайня. Затем, из-за сильных разливов воды по весне, было принято решение переселиться ниже по течению реки Безымянки. Кладбище было оставлено на прежнем месте. Позднее в Благодаровку и соседнюю Покровку стали переселяться сектанты – молокане, мормоны; в Благодаровке особенно много

было последних. Мормоны были не мордва, жили обособленно, имели собственное кладбище, также у Шайни. В 1867 году в селе была открыта при церкви церковно-приходская школа. В 1903 году в Благодаровке сгорела построенная в 1857 году деревянная церковь. В следующем, 1904 году, вместо неё на средства прихожан была построена новая, также деревянная, Никольская церковь. В период голода 1921 года рядом с мормонским кладбищем была организована братская могила умерших от голода. Позднее кладбище также перенесли с берегов Шайни на другое место – по той же причине, из-за сильного половодья. В 1930-ых годах церковь была закрыта и впоследствии разрушена. Нынешняя Никольская церковь села Благодаровка построена в 2002 году на месте, где когда-то стоял дом местного священника.

Обзор литературы

Мордовская топонимия и географическая лексика мордовских языков являлись объектом исследования таких ономастов и специалистов в области мордовского и финно-угорского языкоznания как Д.В. Цыганкин [17], М.В. Мосин [10], И.К. Инжеватов [7].

Исследованием мордовских говоров на территории Самарского Поволжья занимались М.Е. Евсевьев [6] и Х. Паасонен [18].

Работ по мордовской топонимии Самарского Поволжья немногого, наиболее ценной из них является статья Д.В. Цыганкина «Ойконимия мордовского Заволжья» [16].

История и культура благодаровской мордовы частично освещена в исследованиях Т.И. Ведерниковой [4].

Вместе с тем, надо отметить, что топонимическое пространство Благодаровки, географическая лексика благодаровского говора мокша-мордовского языка ранее не являлись предметом специального исследования, что определяет актуальность настоящей работы.

Материалы и методы

Данная работа основана на материалах, собранных автором во время полевых экспедиций в Борский район Самарской области в период 2017 – 2019 гг. Фиксация географической лексики благодаровского говора мокша-мордовского языка, а также географических названий топонимического пространства Благодаровки проводилась в соответствии с рекомендациями Б.А. Себреникова [14] и Г.М. Керта [8].

Основными методами обработки и классификации собранных материалов явились этимологический анализ, сравнительно-сопоставительный анализ, лингвогеографический метод.

Компоненты топонимического пространства Благодаровки сравнивались с соответствующими компонентами других топонимических пространств мордовских сёл Самарского Поволжья, сопредельных территорий, а также с территории Республики Мордовия.

Результаты исследования

Благодаровский говор мокша-мордовского языка близок к литературно-письменному мокша-мордовскому языку и, соответственно, к центральному диалекту мокша-мордовского языка [15]. При этом на благодা-

ровский говор в настоящее время заметно сильное влияние русского языка, вытесняющего из бытового общения многие мокша-мордовские лексемы, в том числе, такие, которые сохраняются в подавляющем большинстве других мокша-мордовских говоров Самарской области, имеющих более длительную историю изоляции от других мокша-мордовских и вообще мордовских языковых ареалов.

Среди основных терминов географической лексики благодаровского говора мокша-мордовского языка нами отмечены:

Брудь. Термин для обозначения прудов в благодаровском говоре мокша-мордовского языка. Имеются также его вариации – *брудась* (по-видимому, с мордовским аффиксом определённости), *бруд* и *брудец* – по отношению к небольшим прудам. Помимо этого, к тем прудам, название которых содержит русские слова, применяется неизменённый русский термин – *пруд*, например: *Новый пруд*, *Старый пруд*. Вариации термина *брудь* встречаются в сочетании с мокша-мордовскими лексемами и мордовскими вариантами антропонимов, например: *Атя брудец*, *Гаврянь брудь* и т. д. (смотрите ниже).

Кутер. В благодаровском говоре мокша-мордовского языка данным термином обозначается небольшая группа отдельно стоящих домов. В мордовских говорах Самарского Поволжья данный термин имеет достаточно широкое распространение, причём в ряде случаев он в них уже деэтимологизирован. В данном случае очевидно заимствование из русского языка с переходом инициального «х» в «к», что, в целом, характерно для заимствований из русского языка в мордовские языки. В основе данного термина лежит русская лексема *хутор*. Мокшане Благодаровки считают данный термин уже «с狠狠енно мордовским» (ПМА, Самарская область, Борский район, Благодаровка, 2017).

Ляй. Данный географический термин и, одновременно с этим, гидроформант традиционно рассматривается в исторических, языковедческих и специальных топонимических работах как один из основных топонимных мордовских маркеров (наряду с эрзя-мордовским термином «лей») [11; 13]. На материалах мордовских говоров Самарского Поволжья, как мы уже неоднократно отмечали в различных работах, данное положение не подтверждается. Действительно, во многих говорах данные лексемы бытуют, однако, имеются и такие, где они отсутствуют совершенно – например, мокша-мордовские говоры Самарской Луки [2]. В ряде говоров – эрзя-мордовские шенталинские говоры, эрзя-мордовские клявлинские говоры – данная лексема присутствует, но в разговорной речи употребляется редко, имея более популярные заменители – *ведь* и *пандалкес*, соответственно (ПМА, Самарская область, Шенталинский район, Старая Шентала, 2019; ПМА, Самарская область, Клявлинский район, Старые Сосны, 2019). В благодаровском говоре мокша-мордовского языка данный термин имеет литературно-письменную мокша-мордовскую форму *ляй*. Надо отметить, что благодаровский говор является единственным мордовским говором Самарского Поволжья, в котором данная лексема бытует в указанной форме.

Семантика термина, однако, разнится от той, которую он имеет в большинстве мордовских диалектов и литературно-письменных мокшанском и эрзянском языках. Благодаровские мокшане употребляют термин *ляй* в значениях ‘скопление воды’, ‘вода, стекающаяся в углубление’, о значении ‘река’ знают, но в разговорной речи и топонимии не используют. Так река *Безымянка* обозначается здесь просто ‘речка’, лексему *ляй* применительно к ней не употребляют (ПМА, Самарская область, Борский район, Благодаровка, 2017).

Мар. Термин, бытующий в благодаровском говоре мокша-мордовского языка для обозначения возвышенностей рукотворного происхождения – прежде всего, древних курганов. Термин бытует в говорах мордвы Саратовского края и в Оренбуржье, где термин *мар* проник и в некоторые русские говоры [12]. В татарском языке, где он также иногда отмечен в различных значениях, в том числе – ‘вершина горы’ [5], он, по-видимому, заимствован из мордовских языков. Вероятно, в самих мордовских языках он является одним из древнейших заимствований, источником которого мог быть реконструируемый для Поволжья Г.С. Кнабе архаичный индоевропейский язык, сочетающий в себе черты современных индоарийских и балтских языков [9]. В связи с этим его можно сопоставить ссанскритским *мару* – ‘могильный камень; памятник’, что, учитывая семантику термина в подавляющем большинстве мордовских говоров, вероятно. Если рассматривать весь комплекс мордовских говоров, а также ряд лексем мордовских литературно-письменных языков, то надо отметить, что термин *мар* используется в ряде случаев в качестве аффикса сложного существительного. Сравните, например: *толмар* – ‘костёр’, *ияймар* – ‘кочка на болоте’ и т. д. В Самарском Поволжье данный термин встречается редко и только в значении ‘курган; древняя могила, отмеченная насыпью’, нами он на территории данного региона зафиксирован лишь дважды – и оба раза в мордовских говорах. Первый раз – в благодаровском говоре мокша-мордовского языка и второй – в кармалинском говоре эрзя-мордовского языка, где он имеет форму *мор*, сравните – в составе топонима *Три мора*.

Топонимическая номенклатура села Благодаровка и его окрестностей представлена следующими названиями.

Атя бруд (брудец). Пруд, выкопанный в Благодаровке «одним стариком», но не тем, который вырыл Старый и Новый пруды. Пруд небольшой, поэтому его чаще называют *брудец*. В памяти жителей Благодаровки сохранилось имя человека, вырывшего пруд – его звали Бова Атя. Однако сам объект называют просто *Атя бруд*, что в переводе на русский язык означает ‘Стариковский пруд’ (ПМА, Самарская область, Борский район, Благодаровка, 2019). Антропоним Бова информаторы объяснить не смогли, возможно, он является адаптированным в мокша-мордовской среде русским именем, либо происходит от мокша-мордовской лексемы, являясь уличным прозвищем, которые до сих пор имеют широкое распространение в мордовских сёлах.

Благодаровка. Официальных данных о возникновении названия села не имеется. Информаторы в Благодаровке объясняли нам его происхождение так: «Село

наше сначала называлось Кормёжка – тут умёт был. А потом уже, вроде как в благодарность за пристанище, за еду, стали называть Благодаровкой» (ПМА, Самарская область, Борский район, Благодаровка, 2017). Данная версия может быть принята в качестве рабочей гипотезы происхождения ойконима. Также надо отметить, что на картах Самарской губернии XIX – начала XX веков село известно только под названием *Благодаровка* во всех случаях, кроме карты Самарской губернии Рихтера и Станевича 1867 года, где указано двойное название: «Благодаровка (Кормёжки)».

Борская кутерня. Урочище в окрестностях Благодаровки, расположенное от неё в сторону райцентра Борского. По сведениям, полученным от информаторов: «Там жили богатые, семей десять их было, километрах в семи отсюда. Очень богато жили, до сих пор в тех местах находят их кресты золотые» (ПМА, Самарская область, Борский район, Благодаровка, 2017). До настоящего времени в благодаровском говоре мокша-мордовского языка лексема *борское* (вариация *борске*) является синонимом богатства. Почему именно так называется урочище, сейчас уже точно ответить не могут, приводят следующие версии: «Может, потому, что они из Борского были, или потому что в сторону Борского, как идти, было расположено... Они потом в Борское и переселились, говорили...» (ПМА, Самарская область, Борский район, Благодаровка, 2017). Вторая часть названия – *кутерня* – по нашему мнению, является уменьшительной формой адаптированного в мокша-мордовском языке русского термина *хутор*. Ойконимы и урбонимы с основой *кутор* встречаются в ряде мордовских говоров Самарского Поволжья, причём в некоторых из них значение термина утрачено, а сам он деэтиологизирован (ПМА, Самарская область, Ставропольский район, Бахилово, 2018). Для подобных случаев факты бытования данного термина в других мордовских говорах Самарского Поволжья имеют непреходящую ценность, так как, например, в бахиловском говоре мокша-мордовского языка данный термин уже переосмыслен в рамках «наивной этимологии» [3]. В благодаровском говоре мокша-мордовского языка этот термин уже считается «собственно мордовским», а значением его, по мнению наших информаторов, является ‘небольшая группа домов’. В захаркинском говоре эрзя-мордовского языка сохраняется память о том, что данный термин пришёл в него из русского языка: «По-русски «хутор», а по-мордовски «кутор» (ПМА, Самарская область, Сергиевский район, Захаркино, 2019). Возвращаясь к благодаровскому топониму, отметим, что мокшанский аффикс уменьшительности *ня* возник в нём, вероятно, вследствие немногочисленности домов на хуторе. Информаторы неоднократно подчёркивали, что в *Борской кутерне* жили богатые, но их было мало.

Гаврянь брудь. Название одного из прудов в Благодаровке, дано в честь вырыпшего пруд человека: *Гавр/Гавря* – изменённый в мокша-мордовской среде русский антропоним *Гаврила, нь* – мордовский аффикс принадлежности. *Брудь* – адаптированный в мокша-мордовском языке русский термин *пруд*, встреча-

ющийся во многих как мокшанских, так и эрзянских мордовских говорах Самарского Поволжья.

Железный мар. Урочище к западу от Благодаровки, известно, как минимум, с 1867 года, когда фиксируется на карте Самарской губернии Рихтера и Станевича. Информаторы говорили там так: «Там возвышенность такая, невысокая. Курган древний, народы какие-то прошлые оставили... А почему железный называется? Находят там железки всякие, раньше больше находили, но ещё и до сих пор находят. Давно, говорят, нашли там железную кольчугу» (ПМА, Самарская область, Борский район, Благодаровка, 2017).

Котёл-ляй. Котлован возле озера *Шайня*, в который стекает талая вода по весне. Возможно, был вырыт для уменьшения количества воды в паводок, однако точно об этом никто из информаторов вспомнить не смог. Название *Котёл* котлован получил из-за своей формы, по мнению информаторов, напоминающей котёл (ПМА, Самарская область, Борский район, Благодаровка, 2019). Гидронимический термин *ляй* в данном случае, по-видимому, употребляется именно в значении ‘вода, стекающая в углубление’. Информаторы не смогли точно перевести данный термин на русский язык, однако уверенно заявили, что ‘река’ точно не является его значением в составе данного названия.

Мормонская сторона. Часть села Благодаровка, в которой с середины XIX века жили мормоны. Мормоны появились в Благодаровке в середине XIX века (в бывшем Бузулукском уезде Самарской губернии мормоны фиксируются с 40-х годов XIX века) вместе с представителями других сектантских течений, в основном – с молоканами. При этом молокане обосновались в основном в соседнем русском селе Покровка Борского района, где район их компактного проживания в прошлом до сих пор носит название *Субботники* (ПМА, Самарская область, Борский район, Покровка, 2017), что даёт оснований видеть в данных сектантах не собственно молокан, а представителей иудео-христианской секты субботников. Возможно, для местного православного населения субботники и молокане были одним и тем же, что подтверждается одним из распространённых названий в русской среде для молокан – *жидовствующие*. Также их часто смешивали с евреями, что прослеживается и в сообщениях ряда наших информаторов в Покровке, которые утверждали, что в Субботниках жили евреи. Как «евреев» представителей данных сект часто записывали и в различного рода статистических источниках, например ЦГАСО ф. 32, оп. 32, д. 108. Возможно, путаницу в определения здесь вносили некоторые синкретические для различных сектантских течений особенности, присущие мормонам Благодаровки – в частности, у них фиксировались так называемые «хлыстовские рыдания». В настоящее время мормонов в Благодаровке нет, однако рассказы о них являются неотъемлемой частью местного фольклора. При этом особенно подчёркивается, что мордвы среди мормонов не было, а их национальная принадлежность не уточняется (ПМА, Самарская область, Борский район, Благодаровка, 2017). Также известно мормонское кладбище у озера Шайня, расположеннное поблизости от братской могилы жертв голода 1921 года.

Новый пруд. Данный пруд, по местным сведениям, вырыл тот же «дед», который вырыл и Старый пруд. Названия *Новый пруд* и *Старый пруд* в Благодаровке всегда произносятся по-русски, адаптированный русский термин *брудь* к ним никогда не применяется (ПМА, Самарская область, Борский район, Благодаровка, 2017).

Пандо пря. Название южной части Благодаровки, находящейся на возвышении. Словосочетание *пандо пря* в дословном переводе на русский язык означает ‘горная вершина’, однако, как мы отмечали в ряде работ, для некоторых мордовских говоров Самарского Поволжья характерно употребление данного устойчивого словосочетания в значениях ‘гора’ и ‘возвышенность’. Для мокша-мордовских сёл Самарского Поволжья нехарактерно классическое для эрзянских сёл деление населённого пункта на верхний и нижний концы: *Ала пе и Вере пе*. Наряду с этим дуальную урбонимную систему «Пандо пря – Ало пе» мы отметили также в одном эрзя-мордовском селе Самарской области – в Захаркино Сергиевского района.

Самоволевка. Часть села, расположенная по направлению к Покровке, данный урбоним также существует в селе Покровка (ПМА, Самарская область, Борский район, Покровка, 2017). Данный район возник по другую сторону от «трассы» без разрешения местных властей, вследствие чего и получил своё название. Заселялся данный район в основном русскими семьями из соседнего с Благодаровкой села Покровка Борского района Самарской области (ПМА, Самарская область, Борский район, Благодаровка, 2017).

Сёванюнь крута. Участок берега реки Безымянки в окрестностях Благодаровки. На русский язык данный топоним информаторы переводили нам как ‘Красная круча’ (ПМА, Самарская область, Борский район, Благодаровка, 2017). Данный перевод примечателен сразу в нескольких аспектах. Во-первых, лексема *сёвань* существует во всех без исключения исследованных нами мордовских говорах Самарской области – даже в таких обруссавших, как синкетический эрзяно-мокшанский говор села Старосемейкино, в значении ‘глина’ (ПМА, Самарская область, Красноярский район, Старосемейкино, 2019). Во-вторых, колороним ‘красный’ во всех исследованных нами мордовских говорах Самарской области обозначается лексемами *якстеръ/якстере*, с вариативной акцентологией. Замещение данного колоронима лексемой *сёвань*, а также замещение термина для обозначения глины русским заимствованием, свидетельствует о далеко зашедших процессах русификации благодаровского говора мокша-мордовского языка.

Возвращаясь к этимологии рассматриваемого топонима, отметим, что с большой долей вероятности его первоначальное значение в благодаровском говоре мокша-мордовского языка можно определить как ‘глиняная круча’.

Старый пруд. Один из прудов в окрестностях Благодаровки. О его происхождении информаторы сообщали нам так: «Этот пруд дед один вырыл – его и Новый...» (ПМА, Самарская область, Борский район, Благодаровка, 2017). Интересно отметить, что в со-

четании с русской характеристикой старый мокшане Благодаровки употребляют русскую форму термина – *пруд*, вместо адаптированного в мокша-мордовском языке русского термина *брудь*. Аналогично и при употреблении названия *Новый пруд*.

Туранянь эшеняц. Колодец в селе Благодаровка. Термин *эшеняц*, очевидно, восходит к литературно-письменной мокша-мордовской форме *эши* со значением ‘колодец’. По-видимому, термин *эшеняц* в составе данного топонима можно разложить на следующие составные части: *эши* – ‘колодец’ + *ня* – один из аффиксов уменьшительности в мокша-мордовском языке + *ц* – вероятно, вариация мордовского аффикса определённости *сь*, который в сочетании с «н» может переходить в «ц». Первая часть топонима информаторами не этимологизируется. Аффикс принадлежности в составе даёт основания предполагать отантропонимическое происхождение топонима. Названия объектов такого рода: колодцев, родников, прудов часто в мордовских сёлах имеют отантропонимное происхождение. Кроме того, известны эрзянские параллели с территории Самарского Поволжья: родник *Торной лисьма* (‘Журчащий, бьющий родник’) из топонимического пространства села Старый Байтермиш Клявлинского района Самарской области.

Тонабок. Название части села Благодаровка, расположенной за рекой Безымянкой. На русский язык данное название можно вольно перевести как ‘Заречье’. Если переводить буквально, то рассматриваемое название двусоставное: *тона* – ‘то, та, тот’ + *бока* – ‘сторона’ = ‘та сторона’. Названия подобного рода – достаточно распространённый компонент мордовских топонимических номенклатур населённых пунктов, разделённых рекой [17]. Рассматриваемый вариант закономерен для мокша-мордовских топонимических пространств, в эрзянских чаще встречается термин *томбалькс* с тем же значением, для эрзянских говоров Самарского Поволжья данный термин многозначен (ПМА, Самарская область, Шенталинский район, Старое Суркино, 2019). Также надо отметить, что в ряде эрзя-мордовских говоров Самарского Поволжья термин *бока* применяется к обозначению склонов возвышенностей – чаще в устойчивом словосочетании *пандо бока* – ‘склон горы’ (ПМА, Самарская область, Похвистневский район, Красные Ключи, 2015).

Чёрное озеро. Вода в котлованах. По словам информаторов, раньше у них подобных котлованов много было, туда часто ездили отдыхать, купаться. Также в них было очень много рыбы – но сейчас большинство из таких котлованов пересохло и их названия стали забываться (ПМА, Самарская область, Борский район, Благодаровка, 2017).

Шайня. Озеро в окрестностях мокша-мордовского села Благодаровка Борского района Самарской области. В настоящее время является заболоченным водоёмом, с заосоченными берегами. И семантически, и исторически обоснованной представлялась этимология от мокшанского *шай/иая* – ‘болото; заболоченное озеро’, либо, с учётом мордовского уменьшительно-ласкательного аффикса *ня* – ‘болотце’. Однако при иссле-

довании на месте обнаружились некоторые уточнения, в связи с особенностями местной географической лексики. Мокшане Благодаровки используют термин *шай/шияй* только в значении ‘камыш’, либо ‘место, поросшее камышом’ (ПМА, Самарская область, Борский район, Благодаровка, 2017). Для такого двоякого толкования имеется близкая эрзянская семантическая параллель: *чейпуло* в значении ‘болото’ (то же, что и чей) и в значении ‘место, поросшее камышом’. Учитывая, что *пуло* в эрзянском языке является аффиксом общности и соответствует мокшанскому *нал*, можно, с известной долей вероятности, предложить реконструкцию изначальной формы лимонима – *Шайнал*. Надо отметить, что лексемы *шияй/чей* в значении ‘болото’ не зафиксированы нами ни в одном мордовском говоре Самарского Поволжья. Возможно предполагать его существование ранее в мокша-мордовских говорах Самарской Луки – так, в окрестностях мокша-мордовского села Торновое имеется лимоним *Ташты лежекши*, причём информаторы из числа торновской мордовы в настоящее время этимологизируют лишь первую часть названия, от лексемы *ташты* – ‘старый’. Вторую часть топонима – *лежекши* они никак не переводят, замечая лишь, что «это всегда так называлось» (ПМА, Самарская область, Волжский район, Торновое, 2018). В специальной работе, посвящённой этимологизации данного лимонима, мы предположили, что он восходит к мокша-мордовским лексемам *лешеке* – ‘низинка’ и *шей* – ‘болото; заболоченное озеро’ [3], хотя нельзя исключать, что и в данном случае значение лексемы *шей* было аналогично тому, которое в настоящее время бытует в благодаровском говоре мокша-мордовского языка. Форма *шей* вместо *шияй* здесь приводится в соответствии с вокализмом торновского говора мокша-мордовского языка. Отсутствие собственно мордовских лексем для обозначения болот (в ряде эрзянских говоров бытуют заимствования из русского языка с этим значением) самими информаторами объясняется при-

родно-географическими условиями проживания мордвы в Самарском Поволжье: «А тут болото нет у нас, поэтому и никак не называем» (ПМА, Самарская область, Похвистневский район, Большой Толкай, 2019).

Обсуждение и заключение

Комплексный анализ топонимического пространства мокша-мордовского села Благодаровка Борского района Самарской области позволил сформулировать следующие выводы:

– благодаровский говор мокша-мордовского языка, несмотря на сравнительно краткий период бытования в русском окружении с отрывом от иных мордовских языковых ареалов (чуть более двухсот лет), является одним из наиболее русифицированных мордовских говоров Самарского Поволжья, что нашло отражение как в его географической терминологии, так и в бытующей в нём топонимической номенклатуре;

– ряд географических терминов, бытующих в благодаровском говоре мокша-мордовского языка, не встречается более ни в одном мокша-мордовском говоре Самарского Поволжья (*ляй, мар*), что объясняется, прежде всего, диалектной принадлежностью данного говора (по классификации А.П. Феоктистова, благодаровский говор можно отнести к центральному диалекту мокша-мордовского языка);

– природно-географические условия расселения носителей благодаровского говора мокша-мордовского языка оказали, как и в случае иных мордовских говоров Самарского Поволжья, значительное влияние на состав и семантику бытующей в нём географической терминологии;

– ряд географических названий топонимического пространства Благодаровки находят идентичные либо близкие параллели в большинстве других мокша-мордовских и эрзя-мордовских топонимических пространств Самарского Поволжья.

Список литературы

1. Барашков В.Ф. Самарская топонимика / В.Ф. Барашков, Э.Л. Дубман, Ю.Н. Смирнов. – Самара: СамГУ, 1996. – 196 с.
2. Беленов Н.В. Мокша-мордовская топонимия Самарской Луки. – Самара: ПортоЗ-принт, 2018. – 200 с.
3. Беленов Н.В. Топонимическое пространство мокша-мордовского села Бахилово на Самарской Луке // Вестник МарГУ. – 2019. – №2. – С. 233–240.
4. Веденникова Т.И. Формирование этнически смешанного населения Степного Заволжья Самарской губернии в середине XVII – середине XIX вв.: дис. ... канд. ист. наук. – М., 1981. – 178 с.
5. Вершинин В.И. Этимологический словарь мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. – Йошкар-Ола: Стинг, 2004. – 120 с.
6. Евсевьев М.Е. Отчёт о командировке в Самарскую и Казанскую губернии для изучения говоров мордовского языка. – Казань, 1914. – 17 л.
7. Инжеватов И.К. Топонимический словарь Мордовской АССР: Названия населённых пунктов. – Саранск: Мордовское книжное издательство, 1987. – 263 с.
8. Керт Г.М. Саамская топонимная лексика. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009. – 179 с.
9. Кнабе Г.С. Словарные заимствования и этногенез // Вопросы языкоизнания. – 1962. – №1. – С. 65–77.
10. Мосин М.В. Отражение общефинноугорской лексики в мордовских географических названиях // Ономастика Поволжья. – Саранск, 1976. – С. 172–174.
11. Никольский А.А. Топонимы Рязанской области / А.А. Никольский, Л.А. Кононенко, И.Н. Хрусталёв. – Рязань: РГУ, 2009. – 72 с.
12. Попов С.А. Тайны Пятимаров. – Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1982. – 248 с.

13. Рахконен П. Границы распространения меряно-муромских и древнемордовских гидронимов в верховьях Волги и бассейне Оки // Вопросы ономастики. – 2012. – №1. – С. 5–42.
14. Серебренников Б.А. Историко-типологические исследования по финно-угорским языкам / Б.А. Серебренников, Е.И. Ковердяева, Г.И. Ермушкин [и др.]. – М.: Наука, 1978. – 328 с.
15. Феоктистов А.П. Диалекты мордовских языков // Mordwinisches Wörterbuch. Helsinki, 1990. – Bd. 1. S. LX–LXXXV.
16. Цыганкин Д.В. Ойконимия мордовского Заволжья // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2010. – №3. – С. 9–15.
17. Цыганкин Д.В. Память, запечатлённая в слове. – Саранск: Красный Октябрь, 2005. – 429 с.
18. Paasonen H. Mordwinisches Wörterbuch Zusammengestellt von Kaino Heikkilä. Unter Mitarbeit von Hans-Hermann Bartens, Aleksandr Feoktistov und Grigori Jermuschkin. Bearbeitet und herausgegeben von Martti Kahla. – Helsinki, 1990–1996. – Bd. 1–4.

References

1. Barashkov, V. F., Dubman, E. L., & Smirnov, Iu. N. (1996). Samarskaia toponimika., 196. Samara: SamGU.
2. Belenov, N. V. (2018). Moksha-mordovskaia toponimia Samarskoi Luki., 200. Samara: Porto-print.
3. Belenov, N. V. (2019). Toponimicheskoe prostranstvo moksha-mordovskogo sela Bakhilovo na Samarskoi Luke. Vestnik MarGU, 2, 233-240.
4. Vedernikova, T. I. (1981). Formirovaniye etnicheskogo smeshannogo naseleniya Stepnogo Zavolzh'ia Samarskoi gubernii v serедине XVII., 178. M.
5. Vershinin, V. I. (2004). Etimologicheskii slovar' mordovskikh (erzianskogo i mokshanskogo) iazykov., 120. Ioshkar-Ola: String.
6. Evsev'ev, M. E. (1914). Otchiot o komandirovke v Samarskuiu i Kazanskuiu gubernii dlia izucheniiia govorov mordovskogo iazyka. Kazan'.
7. Inzhevativ, I. K. (1987). Toponimicheskii slovar' Mordovskoi ASSR: Nazvaniia naselionnykh punktov., 263. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo.
8. Kert, G. M. (2009). Saamskaia toponimnaia leksika., 179. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr RAN.
9. Knabe, G. S. (1962). Slovnye zaimstvovaniia i etnogenet. Voprosy iazykoznaniiia, 1, 65-77.
10. Mosin, M. V. (1976). Otrazhenie obshchefinnougorskoi leksiki v mordovskikh geograficheskikh nazvaniakh. Onomastika Povolzh'ia, 172-174. Saransk.
11. Nikol'skii, A. A., Kononenko, L. A., & Khrustaliov, I. N. (2009). Toponimy Riazanskoi oblasti., 72. Riazan': RGU.
12. Popov, S. A. (1982). Tainy Piatimarov., 248. Cheliabinsk: Iuzhno-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo.
13. Rakhkonen, P. (2012). Granitsy rasprostraneniia meriano-muromskikh i drevnemordovskikh gidronimov v verkhov'iakh Volgi i basseine Oki. Voprosy onomastiki, 1, 5-42.
14. Serebrennikov, B. A., Koverdiaeva, E. I., & Ermushkin, G. I. (1978). Istoriko-tipologicheskie issledovaniia po finno-ugorskim iazykam., 328. M.: Nauka.
15. Feoktistov, A. P. (1990). Dialekty mordovskikh iazykov. Mordwinisches Wörterbuch, . Helsinki.
16. Tsygankin, D. V. (2010). Oikonomiia mordovskogo Zavolzh'ia. Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii, 3, 9-15.
17. Tsygankin, D. V. (2005). Pamiat', zapechatlionaia v slove., 429. Saransk: Krasnyi Oktiabr'.
18. Paasonen, H. (1990). Mordwinisches Wörterbuch Zusammengestellt von Kaino Heikkilä. Unter Mitarbeit von Hans-Hermann Bartens, Aleksandr Feoktistov und Grigori Jermuschkin. Bearbeitet und herausgegeben von Martti Kahla., 1. Helsinki-.

Информация об авторе

Беленов Николай Валерьевич – канд. пед. наук, доцент кафедры ИКТО ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет», Самара, Российская Федерация.

Information about the author

Nikolay V. Belenov – candidate of pedagogical sciences, associate professor of ICTO Department, FSBEI of HE "Samara State University of Social Sciences and Education", Samara, Russian Federation